ISSN 1561-7793

Вестник
Томского государственного университета

№ 364 **Ноябрь** **2012**

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ
- ХИМИЯ

Томский государственный университет
2012

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слижов Ю.Г.**, канд. хим. наук., доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 364 Ноябрь 2012

ИСТОРИЯ

УДК 94(47+57)

В.Н. Кудряшев

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ПАНСЛАВИЗМ КАК СМЕНА КОНЦЕПЦИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Исследуется постепенный переход славянофилов от идеи русской национальной идентичности к славянской идентичности. Показана связь панславистской доктрины с подходами ранних славянофилов к пониманию русской нации и безусловному включению в нее не только великорусского, но и белорусского и малорусского этносов. На материалах работ Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского, А.А. Киреева доказывается абсолютизация идеи славянского объединения в качестве приоритетной национальной идеи не только русского, но и других славянских народов. Одновременно отмечается сохранение классической славянофильской линии, постепенно утратившей влияние.

Ключевые слова: славянофильство; панславизм; славянская федерация; национализм; культурно-исторические типы.

Славянофильский национализм носил рефлексивный характер, реагируя на вызовы времени. Интересы ранних славянофилов были направлены на формирование русской нации на основе собственных духовных ценностей и ограничение влияния чуждых европейских воззрений. Они считали важным обеспечить сохранение России как русского национального государства, доминирование русского национального элемента. Для этого важно было обеспечить естественную ассимиляцию других этнических групп и преодолеть конкуренцию национальных проектов со стороны поляков и немцев.

В начале 1870-х гг. в условиях активизации национальных движений среди европейского славянства и резкого обострения ситуации на Балканах значительно усилился интерес русских славянофилов к славянскому движению. Было бы неверно говорить об обслуживающем по отношению к интересам внешней политики империи положении проектов славянофилов, но они реагировали на участие России в Восточном вопросе, чаще всего требуя усиления помощи освободительной борьбе славян. Постепенно центр внимания славянофильской интеллигенции перемещается из России в Восточную Европу.

Обращение И.С. Аксакова к вопросу о славянской принадлежности русского народа было регулярным. Признаки славянской идентичности, ее критерии Аксаковым практически не определялись. Речь шла о духовном родстве, единстве происхождения, но какие-то общие черты при этом не назывались [1. С. 4–6].

Роль России в славянском мире выделялась как первенствующая в силу многочисленности русских, обладания ими государственностью. Однако за этим не следовало требование доминирования России, какой-либо подчиненности других славянских народов ее интересам. Речь шла только о моральной ответственности русских и Российского государства, которая должна была выражаться в поддержке славянского освободительного движения.

Между тем, как указывал славянофил, Россия не была в полной мере готова к роли лидера ввиду слабости в русских национального духа, не дававшего им ощущения славянского единства. Русское правительство, идя за ложными целями, двигалось в русле немецкой политики, предавая интересы славянских народов [2. С. 28–29]. Говоря о славянском единстве, И.С. Аксаков трактовал его как национальное, но не государственное, т.е. субъектом данной общности выступал русский народ, но не русское государство. Публицист выступал за укрепление культурного, духовного, но не политического единства в рамках общеславянского государства [3. С. 118–120].

Отрицая стремление России к политическому доминированию в славянском мире, И.С. Аксаков болезненно воспринимал выход славянских государств, обретших независимость благодаря России, из-под ее влияния и ориентацию их на Запад. Он неоднократно упрекал политическую элиту Сербии и Болгарии в том, что, установив союзнические отношения с западными странами, они предают не Россию, но славянскую идею, будущее славянского мира: «Пусть наши братья болгары и сербы спросят себя: хотят ли они продать это свое мировое призвание, свое сослужение во вселенско-историческом подвиге России – за блюдо чечевицы, предлагаемой им Западной Европой в виде “европейской цивилизации” и “европейского прогресса”» [4. С. 681].

Славянофил считал, что для сохранения в качестве самостоятельного народа славянам необходимо единство, которое недостижимо без обретения общего языка. Публицист видел его не как замену национальным, но как язык межнационального общения [5. С. 161–162]. И.С. Аксаков писал о славянах как изгоях западного мира. Даже славяне-католики оставались «пасынками» для Рима. Поэтому славяне должны были понять, что сохранение славянской идентичности требует от них освобождения из духовного плена латинства и перехода в православие [6. С. 177]. Убеждение в духовной чуждости и вредности католицизма для славян И.С. Аксаков сохранил и в работах 1880-х гг. Он настаивал на торможении духовного развития славянских народов, принявших католицизм. «Нет злейшего врага для славянства, как папизм, ибо он противоречит самому существу духовной славянской природы <…> Латинствующий славянин только духовный прихвостень германо-романского Запада» [7. С. 559]. Поэтому будущее славянства связано с Россией, и ее лидерство определено сохранением православной духовности [7. С. 566].

В поздних работах публициста заметно стремление унифицировать русскую и славянскую национальную идентичность на основе православия. Он навязывал православие представителям других славянских народов как условие признания «настоящим славянином». Таким образом, не считая актуальной задачу создания общеславянского государства, И.С. Аксаков разрабатывал идею создания славянской нации [8. С. 4–5]. Данная тенденция смещения интереса от русской этничности к общеславянской определила постепенную трансформацию славянофильства в панславизм.

Обращаясь к этническим и этнополитическим процессам, В.И. Ламанский представил их как противостояние и противоборство трех миров – романского, германского и славянского. В их рамках проходили процессы этнической консолидации, находившиеся на разной ступени завершенности, но позволявшие говорить о продолжавшемся формировании трех народностей: романской, германской и славянской. Они становятся в работе Ламанского основными субъектами исторической деятельности. По мнению ученого, объединение народностей было прогрессивным процессом, так как давало преимущества в конкурентной борьбе с другими мирами [9. С. 90]. Описывая общую этнополитическую картину современной ему Европы, Ламанский отмечал как следствие интеграционных процессов образование «политических видов», т.е. государств. В германском мире – Англии и Германии, в романском – Франции, Италии и Испании. Данные образования видятся ему не как национальные государства, то есть политическая форма отдельной нации (народности), а как сложившееся в результате определенных обстоятельств обособление части народности. Следовательно, по логике Ламанского, чем меньше было государств в рамках мира – тем выше была степень его единства. Главным инструментом интеграции народностей Ламанский видел формирование общего языка, который отграничивал «политические виды» в рамках народностей [9. С. 14–15]. Таким образом, границы государств определялись пределами использования языка, и количество государств в рамках мира зависело от количества языков [9. С. 17–18].

Славянский мир позже других встал на путь консолидации, он был более разобщен. Но его особенностью было доминирование русского элемента. Только русские смогли создать устойчивое государственное образование, только русский язык мог претендовать на статус всеславянского языка. Защищая данный тезис, Ламанский обращался к историческому опыту. Другие славянские народы не смогли добиться успехов ни в государственном строительстве, ни в литературе, поэтому их языки были обречены на статус локальных [9. С. 18]. Кроме того, ученый настаивал на выходе русского языка за рамки только великорусского: «…по своему происхождению и образованию он есть общее достояние Великой, Белой и Малой Руси и по сильному в нем участию древнеславянского элемента даже болгар и сербов» [9. С. 23]. Он полагал реальной перспективой превращение общерусского языка в общеславянский. Предвидя сомнения других славянских народов, Ламанский подчеркивал добровольность использования русского языка и длительность данного процесса. Славянские языки должны были сохраняться как местные наречия и в дальнейшем. По мнению ученого, подобная ситуация в славянском мире делала возможным создание в будущем единого этнополитического образования [9. С. 91]. В работах Ламанского очевиден сдвиг в направлении признания славянства не просто как близкого по происхождению межнационального сообщества, но как формирующейся единой нации. Это вносило коррективы и в представление о национальной идентичности.

Наиболее решительный шаг в данном направлении был сделан Н.Я. Данилевским. Контраст идей ученого с ранним славянофильством настолько значителен, что многие исследователи воспринимали его творчество не как продолжение славянофильской традиции, а, скорее, как ее отрицание. Данилевский, определяя соотношение национального и общечеловеческого как видового (конкретного) и родового (общего), предлагал логическое суждение о необходимости для определения родовых признаков абстрагироваться от всех конкретных черт данного вида. Однако при выходе на уровень рода это приводило его к выводу о необходимости отказа от всех важнейших черт или элементов, всех видов данного рода, а следовательно, к отказу от многообразия форм и максимальному упрощению. Тогда общечеловеческое не есть возвышение к совершенству или идеалу, а наоборот, низведение до абсолютной простоты и примитивизма. Особые, отличные национальные черты всегда являлись результатом многовекового развития народов, его культурного развития, духовных поисков. Чем выше уровень развития народа, настаивал Данилевский, тем более оригинальны и уникальны его национальные черты. Следовательно, движение к общечеловеческому вело к деградации народа, прогресс его возможен был только при национальном развитии [10. С. 125, 128–129].

Таким образом, ученый отрицал возможность даже идеального существования «общечеловеческой» цивилизации. Как некий идеал он соглашался бы принять «всечеловеческую» цивилизацию, но ее черты должны были слагаться из совокупности достижений всех существовавших и будущих культурно-исторических типов, что исключало ее даже абстрактное определение [10. С. 128–129].

Предлагая теорию культурно-исторических типов, Данилевский сохранил свойственные гегелевской традиции механизм исторического развития, принципы межнационального взаимодействия в исторической деятельности. Только сам процесс утратил всеобщность и был заключен в границы отдельных типов. Теперь доминирование народов-творцов было ограничено пределами родственных по языку и культуре этнических групп. Также постулировалось существование неисторических народов, но ранее они вообще были фоном деятельности исторических народов, теперь же, учитывая их большую вовлеченность в орбиту лидера культурно-исторического типа, а главное, наличие общих ценностей, данные народы также участвовали в прогрессе. Интересно и выделение «злых гениев», народов, так же как и творцы, неординарных, но способных только к разрушению.

Данилевский определял перспективы славянских народов весьма категорично: либо они формируются

как культурно-исторический тип, достигая «высокого смысла», либо они не будут иметь никакого смысла, и «…вся тысячелетняя этнографическая подготовка, вся многовековая народно-государственная жизнь и борьба, все политическое могущество, достигнутое столькими жертвами одного из славянских народов, есть только мыльный пузырь, форма без содержания, бесцельное существование, убитый морозом росток; ибо цивилизация не передается (в едином истинном и плодотворном значении этого слова) от народов одного культурного типа народам другого» [10. С. 130–131]. Не сумев создать собственную цивилизацию и «стать на ступень развитого культурно-исторического типа – живого и деятельного органа человечества», славяне превратятся в этнографический материал, средство для достижения чужих целей для других народов, растворяясь в них [10. С. 131]. Воздействие чужого культурно-исторического типа губительно для народа – он не может воспринять элементы иной сущности. Данилевский считал основной чертой характера европейцев, «нравственным этнографическим признаком народа – «насильственность», которую, в свою очередь, считал результатом доминирования среди европейских народов чрезмерного индивидуализма, трактуемого ученым как абсолютизация своего мнения и стремление навязать его окружающим. Это сформировало чрезвычайную агрессивность германо-романской цивилизации [10. С. 190–191, 197].

Данилевский, отсылая к истории славянства, стремится показать, как любое воздействие германо-романского типа деформирует природу славянских народов. Чехи и поляки более других испытали данное воздействие, расплачиваясь тяжелой исторической судьбой. Россия в эпоху Петра I также стала объектом принудительной европеизации, что усложнило ее самобытное развитие, но не смогло уничтожить народной сущности [10. С. 132]. По мнению ученого, Россия, как и другие славянские народы, вне славянского союза не имела исторических перспектив. Противостояние с Европой неизбежно приведет к истощению ее сил, утрате исторического предназначения и превращению в этнографический материал для германо-латинского мира [10. С. 436–437].

Поэтому для любого славянина «идея Славянства», т.е. создания собственного культурно-исторического типа, «…должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления, – без духовно, народно и политически самобытного, независимого Славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» [10. С. 133]. Данилевский предлагал в задачах строительства славянской федерации отказаться от славянофильского идеализма – «начал нравственности» – в пользу прагматизма, за что был раскритикован Миллером, посчитавшим такой отказ отрицанием самих основ славянофильства, построенного на православных идеалах [10. С. 273]. Славяне имели все необходимые потенции для формирования культурно-исторического типа. Крупнейший славянский народ – русский – имел свое политическое лицо, остальные славяне не составили еще «самостоятельных политических единиц», но смогли выстоять под давлением извне. У них уже сложилось «частнонародное и общеславянское сознание» и при определенных обстоятельствах они смогут создать свои государства [10. С. 130].

Итак, Данилевский доводит до логического завершения эволюцию славянофильства в панславизм. Он отказался от нации как самостоятельного исторического субъекта. Нации у него – творцы истории и двигатели прогресса, но только в составе культурно-исторических типов. Вне типов национальности утрачивали способность к исторической деятельности и становились объектом ассимиляции. Так и русский народ в его интерпретации должен был стать центром славянского культурно-исторического типа, объединив все славянские народы. Альтернативой в условиях продолжавшегося противостояния с германо-латинским миром и очевидного усиления консолидации последнего могло быть поглощение славянских народов. В результате русский народ как самостоятельный участник исторических процессов исчезал в обоих случаях – растворившись в славянском мире либо погибнув в германском.

Центр тяжести национальных интересов переместился из самой России в Европу. Собственно и у ранних славянофилов национализм был направлен на формирование ответа на вызов Европы, но как отражение культурной экспансии в самой России. Теперь же линия борьбы перемещалась на Балканы. Меняется и характер противоборства. Вместо борьбы за сохранение национальных ценностей как основы будущего прогресса России речь идет о военном противостоянии за контроль над землями юго-западных славян, где должна возникнуть славянская федерация. Культурно-религиозные проблемы отходят на второй план и становятся лишь средством доказательства противоположности германского и славянского типов.

Главной действующей силой у Данилевского выступало государство. Он отказался от славянофильской идеи разделения государства и народа. Государство тесно связано с национальностью и практически отождествлялось с ней как сила по созданию славянского единства. Определяя общие положения теории культурно-исторических типов, ученый отметил важность политической независимости составлявших его народов. Он подчеркивал, что само зарождение нового типа возможно только при данном условии [10. С. 6]. И далее Данилевский еще раз возвратился к необходимости политической автономности народов как фактору, определявшему разнообразие форм развития народов данного культурно-исторического типа [10. С. 68–69].

Сторонники идеи общемировой цивилизации считали важным элементом ее развития духовное и культурное разнообразие народов, осуществлявших прогресс. Собственно это разнообразие и было одной из причин возможности совершенствования человечества. Данилевский подтверждал ту же мысль, но в рамках механизма функционирования культурно-исторических типов, делая акцент на первичности политической автономности народов: «…цивилизация, то есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий, кото-

рым они подвергаются в течение своей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, то есть народности, входящие в образование типа» [10. С. 106].

Одновременно ученый предупреждал, что чрезмерное политическое раздробление могло стать негативным фактором, препятствуя консолидации сил данного типа. Критерием количества возможных государств внутри типа он считал языковую близость. Если она не препятствовала свободному общению родственных народов, они могли составить единое политическое образование. Но Данилевский считал объединение в одном государстве народов, относящихся к разным культурно-историческим типам, искусственным и наносившим вред всем этническим составляющим такого объединения, поскольку оно неизбежно мешало бы их стремлению реализовать сущности, определенные принадлежностью к своему типу [10. С. 108].

Народности и национальности, как указывал Данилевский, составляли основу государственности, одновременно являясь причиной и целью его существования. Защита народности составляла смысл государственной организации. Поскольку народность являлась опорой государственности, Данилевский считал оптимальным, когда одна народность составляла одно государство. Но это не означало признание им права каждой национальности на свое государство.

Государство мог создать народ, осознавший себя самостоятельной личностью. Кроме того, историческая практика показывала важность необходимого стечения благоприятных обстоятельств для реализации народом своих государственных возможностей. Если в зону исторической деятельности вышедшего на стадию государственной организации народа попадали племена менее «зрелые», они входили составной частью в чужое национальное государство и становились объектом ассимиляции. Ассимиляция могла быть и обоюдной, если потенциал народов был сравним. В случае значительного превосходства в уровне развития народ мог включить в состав своего государства множество племен, ассимилируя их [10. С. 241]. Существование в рамках одного государства нескольких осознавших себя народностей грозит неизбежными конфликтами и ослабляет его.

Определяя перспективы славянства, славянофилы делали акцент на формировании этнокультурного единства, не отрицая возможности каких-либо форм политического единства, но не определяя его как реализуемое в близком будущем. Данилевский называл задачу создания славянской федерации актуальной и первостепенной. Всеславянская федерация должна была включать не только славян, но и греков, румын, вхождение которых панславист считал спасением для этих народов. Также в будущее объединение должны были войти венгры [10. С. 395–397, 417].

Российская империя включалась в состав федерации вместе с неславянскими народами, которых ученый рассматривал как «нейтральные единицы» и не ожидал какого-либо сопротивления с их стороны [10. С. 446–447]. Таким образом, за красивой вывеской славянской федерации в варианте Данилевского откровенно проглядывала Российская империя, выросшая в размерах, но оставшаяся русским деспотическим государством. Да и сам ученый не скрывал, что федерация должна быть на основе гегемонии России, при высокой степени «сплоченности и единства» всех славянских народов [10. С. 421].

На уязвимость для критики идей русских панславистов обращал внимание О.Ф. Миллер, отмечая превалирование в их дискурсе позиции «старшего брата» по отношению к другим славянским народам, которую они не только не скрывали, но всячески старались доказать как сторонникам, так и противникам [11. С. 80–81, 93]. Сам Миллер постоянно подчеркивал необходимость понимания и учета в высказываниях русских панславистов национальных чувств славян Австрии, Турции, обостренных политической зависимостью и угрозой полной ассимиляции. Поэтому единственным вариантом сближения он видел равноправный диалог с выработкой взаимоприемлемых форм межславянского сотрудничества [11. С. 88–89].

Необходимо было избегать любой демонстрации превосходства русской национальности. Например, в вопросе о формировании единого языка Миллер не считал правильным подчеркивание безальтернативности выбора на эту роль русского языка. Он видел данный процесс естественно-историческим, подобно распространению кириллицы как общеславянского алфавита, ставшего основой общеславянского литературного языка. Следовало смириться с длительностью и постепенностью реализации задачи языковой унификации и избегать ее форсирования ради достижения политических целей. Любое умышленное ускорение создания единого славянского литературного языка приведет к разрыву с народными языками и превращению его в искусственное образование.

Миллер называл абсолютно неверной и вредной позицию о нецелесообразности развития национальных литератур, поскольку у них не будет сил подняться до уровня мировых, в то время как уже имевшаяся русская литература являлась таковой. Каждая народность должна была иметь возможность проявить свои способности и «возвыситься, если достанет сил, на степень самостоятельного языка», но это не должно стать самоцелью, ради которой растрачиваются напрасно силы народа [12. С. 410].

Кроме того Миллер напоминал о приоритете, отдававшемся основоположниками славянофильства решению национального вопроса в самой России, прежде всего для русского народа. Между тем проблемы подъема национальной культуры, образования, восстановления национальной духовности для русского народа не утратили своей актуальности. Только решив их, он мог выступать интегрирующей силой в славянском сообществе [11. С. 89]. Ученый указывал на ошибочность использования термина «обрусение» по отношению к Западному краю и к славянам вообще. За этим, по его мнению, могло скрываться навязывание русских национальных черт, поэтому следовало перейти к принципу «славянизации», допускавшему естественное влияние одного народа на другой. Также славянофил отрицал поиск каких-либо «старославянских начал» как универсальных черт, общих для всех славянских народов. Их развитие должно было проистекать на своей «национальной почве» [13. С. 75–76].

В славянофильской литературе 1870-х гг. очевидно смещение акцента в вопросе о соотношении участия Российского государства и общества в славянском движении. Ламанский по-прежнему много внимания уделял необходимости развития в русском народе национального (теперь уже славянского) самосознания для его превращения в лидера славянского движения. Но основным субъектом в его статьях, и особенно в статьях Данилевского, выступала Россия как государство. Требование сделать политику государства национальной у ранних славянофилов означало необходимость внутренних реформ, теперь же оно относилось к внешней политике Российской империи, приоритетом которой должна была стать борьба за освобождение славянских народов и их консолидацию. Корректировка интересов славянофилов в направлении панславизма и выход их за рамки государства объективно изменили роль государства в их планах и превратили его в главный инструмент создания общеславянского сообщества.

Это вызывало тревогу не только у противников, но и среди сторонников славянского движения. Панславизм все более воспринимался ими как движение, подчиненное экспансионизму Российской империи и самодержавия. А.Ф. Гильфердинг, видя подобные настроения, старался дистанцироваться от политических целей в славянофильском движении и представить его как народное, общественное. Он настаивал на предложении помощи европейским славянам от имени русского народа, но не государства. Это было важно, поскольку славянофил осознавал неприятие большинством славян русской государственно-правовой системы как не соответствующей их пониманию об идеале общеславянского государства [14. С. 143–144].

Ученый считал причиной ошибочного представления о славянофилах как о политической партии, борющейся за влияние на политику государства, прямую экстраполяцию на российскую действительность европейской общественной организации. Славяне, будучи европейскими обывателями, не представляли, что возможно народное, общественное движение, обязанное своим появлением пробуждению национального сознания и чувству солидарности с родственными народами [14. С. 148–149]. К тому же славяне, как и другие европейцы, имели слабое представление о современной им России и ее народе, пользуясь полумифологическими образами и штампами [14. С. 152–153].

В работах А.Ф. Гильфердинга, более, чем у других славянофилов, присутствовал реалистичный подход к славянскому движению. Будучи лично осведомленным о настроениях среди европейских славян, он старался показать сложности и проблемы, противоречия между славянами, которые необходимо преодолевать. Анализируя состояние славянского движения в Австрии, славянофил указывал на его неоднородность и противоречивость целей. Каждый из славянских народов имел собственную позицию, не совпадавшую, а часто противоречившую программам других славян [15. С. 132–135]. Таким образом, О.Ф. Миллера и А.Ф. Гильфердинга можно считать продолжателями классического славянофильского дискурса, но очевидно, что определяющей стала тенденция к его трансформации, окончательно определившаяся в 1880-х гг.

В этом плане очень показательны труды А.А. Киреева, взявшего на себя смелость изложить основные позиции славянофильской доктрины в свете изменившейся к концу 1870-х – началу 1880-х гг. внешне- и внутриполитической ситуации России. Киреев раскрывал свое видение славянофильского учения посредством известной триады «православие – самодержавие – народность». Уже само регулярное обращение к ней отличало его от ранних славянофилов, которые напрямую не употребляли ее как формулу своей доктрины. Кроме того, Киреев заметно сместил акценты в соотношении элементов. Классическое славянофильство шло в выстраивании доктрины от понятия «народность», бывшего центром их внимания. При выделении важнейшей роли православия они видели его именно доминантой народности. Государство рассматривалось автономным и зачастую противостоящим народности элементом. Даже подчеркивая важность взаимодействия народности и государственности, славянофилы настаивали на первичности интересов нации, которые государство должно было ставить во главу угла.

Киреев выделял православие как самостоятельный, автономный от народности и абсолютно главенствующий элемент русской идентичности. Православие у Хомякова не было связано с русской этничностью, но оно было элементом духовности русского народа. Уникальность русского народа заключалась в его миссии как носителя православия. У Киреева православие – это религиозная общность, включавшая православную церковь и все православные народы, в том числе неславянские. Он неоднократно подчеркивал приоритет православия над этническим и государственным единством: «Мы, во-первых, сыны православной церкви, а затем уже русские и славяне…» [16. С. 52]. Греки-православные были ему ближе, чем сограждане славяне, но католики (поляки) [17. С. 5].

Государство у Киреева также обретает самодостаточность по отношению к народности. Славянофилы считали, что Россия возникла как духовно-религиозное единство, дополненное государственностью. Киреев писал, что самодержавие создало Россию и обеспечивало ее единство, более того, самодержавие было элементом народного самосознания. Народность (этнографический элемент) приобретала характер обслуживающий, она «служит опорой нашей веры и оберегает самодержавие» [Там же. С. 7]. При этом подчеркивалась важность сохранения национальной самобытности как условия существования и развития народа. Защита самобытности не должна была вести к враждебности к остальному человечеству [Там же. С. 8].

Именуя себя «православным националистом», Киреев отмечал, что идеалы и принципы со временем меняются, в результате базовые понятия славянофилов требуют корректировки [18. С. 96]. Он фактически предлагал перенести понятие «народ» с русского этноса на «племенную федерацию» славян. Таким образом, и трактовка «народности» приобретала бы характер общеславянской идентичности [19. С. 150]. Собственно для себя Киреев данную корректировку уже произвел, четко ориентируя национализм не на интересы русского народа, а на общеславянские интересы. Сам же русский народ рассматривался всегда как часть славянства, защита кото-

рого наряду с охранением православия составляли его всемирно-историческое значение [20. С. 122].

Славянофил указывал на развернувшуюся в Европе борьбу народов за обретение национального единства в рамках суверенных государств. Дискутируя с Леонтьевым, видевшим в национальном движении проявление революционного хаоса, Киреев считал реализацию «принципа народности» прогрессивным, исторически обусловленным явлением [21. С. 90–91]. По мнению славянофила, Россия, борясь за славянскую свободу на Балканах, реализовывала «принцип народности», понимаемый им как интеграция славян. Он видел прямую аналогию между славянским движением и борьбой Германии и Италии за национально-государственное единство [19. С. 149–150]. Но при этом неоднократно повторялся тезис о постепенном и добровольном объединении славян в федерацию, с сохранением национальной самобытности и политического суверенитета. При этом исключалась какая-либо дезинтеграция России, т.е. в славянскую федерацию она должна была войти вместе с многочисленными неславянскими народами, судьба которых никак не оговаривалась [Там же. С. 150].

Сомнения в искренности заявлений о неприкосновенности культурной и государственной автономности славянских народов в рамках федерации возникают в связи с непреклонным убеждением Киреева в безальтернативности самодержавия для славянских народов как единственно приемлемой формы государственности, а православия – как духовной основы. Эти элементы, бывшие для славянофилов чертами русской национальной идентичности, объявлялись универсальными и обязательными чертами общей славянской идентичности. Публицист оговаривал, что речь не идет о насильственном вхождении в Российское государство или навязывании религии, но республиканизм, конституционализм и католицизм рассматривались как чуждые славянскому духу явления, ставшие результатом враждебного европейского влияния [20. С. 125–126]. Таким образом, цивилизационное противостояние с Европой теперь выходило за пределы Российской империи. Киреев видел задачей России борьбу с европейским влиянием в молодых славянских странах [Там же. С. 126–127].

Говоря о необходимости придания российской политике национального характера, славянофил подразумевал ее ориентацию на защиту славянских народов, сохранение их религиозной и национальной самобытности. В ответ на замечание оппонентов о несовпадении государственных интересов России и балканских славян, так как политика государства должна была ориентироваться на интересы собственного народа, он обращается к славянофильскому тезису о первичности нации перед государственностью [22. С. 150]. Однако в данном случае под нацией понимается славянская общность. Следовательно, Российское государство должно защищать балканских славян. При этом защитительные функции России не должны были ограничиваться Русской православной церковью, а подразумевали защиту православия и православных и вне пределов Российского государства [23. С. 128]. Призывы к братскому единству славян сочетаются у Киреева со вполне империалистическими рассуждениями о Балканах как сфере государственных интересов России и напоминанием о конкуренции со стороны других экспансионистских планов. В случае неспособности России влиять на славянские государства и народы лидерство может перейти к Австрии или Германии [23. С. 133].

Теоретическим обоснованием панславизма становится постепенный переход славянофилов от идеи русской национальной идентичности к славянской идентичности. Славянофилы фактически отказываются от категории нации и расширяют понятие народности до языковой группы. Но некоторые пытались одновременно оперировать понятием «народность», подразумевая нации и группы родственных народов. Так, Киреев, определяя цели славянского движения, оговаривал, что понятие «народ» будет расширяться до размеров племенной федерации, тем самым создавая возможность его использования по отношению ко всему славянскому сообществу. Но при этом его формирование рассматривалось по аналогии с историей национального объединения Германии или Италии, что позволяло видеть целью панславистов образование гораздо более тесного этнополитического единства в рамках общего государства.

Ламанский попытался устранить это противоречие, рассматривая в качестве субъектов этнических процессов не отдельные народы, а миры: славянский, романо-германский. Таким образом, в его работах взаимодействовали и противостояли равнозначные этнические образования. Логическим развитием стала теория культурно-исторических типов Данилевского, которые, по мнению Милюкова, заменили категорию «народность» [24. С. 19–20].

Возможности для подобной интерпретации национализма были заложены в подходах ранних славянофилов к пониманию русской нации. Они изначально включали в нее не только великорусский, но и белорусский и малорусский этносы, категорически отказывая им в возможности становления как самостоятельных наций. Малорусский и белорусский народы воспринимались как неисторические, т.е. неспособные к самостоятельному историческому бытию. Их будущее связывалось с развитием в рамках единого государства на основе великорусской языковой и культурной традиции, объявленной универсальной и общерусской. При этом допускалось сохранение народных языков как местных говоров и культуры как фольклорного элемента.

Фактически панслависты применили данные принципы, распространив их на все славянские народы. Отметая обвинения в стремлении распространить российскую государственность на все славянские народы и постепенно их русифицировать, славянофилы подчеркивали исключительно добровольный характер длительной и постепенной эволюции славянства к более тесному единству. Но одновременно они не скрывали приемлемости для славян только самодержавного государства и православия, трактуя любые иные формы как воздействие чуждой европейской традиции, распространение которой гибельно для славянской идентичности. Вместе с идеей необходимости обретения славянами общего литературного языка, роль которого мог играть

только русский язык, это означало неизбежность универсализации общественной организации, духовных ценностей на основе русских.

Преувеличенным выглядело в восприятии славянофилов стремление славян к единству. Они не желали рассматривать национально-освободительное движение славян как стремление к национальной консолидации в рамках отдельных народов и собственных национальных государств. Защищая право славян на самостоятельное историческое развитие, они считали его возможным только в условиях объединения с русским народом, объясняя данный формат враждебным окружением и фактически повторяя тезис своих противников о неисторичности славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксаков И.С.* Славянский обзор газеты «День» № 1, октябрь 1861 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 3–9.
2. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «День» 28 марта 1864 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова,1886. Т. 1. С. 27–35.
3. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «Москва» 25 января 1867 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова,1886. Т. 1. С. 117–122.
4. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «Русь» 19 октября 1885 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 671–682.
5. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «Москва» 2 августа 1867 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 159–165.
6. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «Москва» 18 ноября 1867 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 173–178.
7. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «Русь» 15 ноября 1883 г. // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 552–569.
8. *Аксаков И.С.* Как понимает остзейский немец идеал России // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. С. 3–8.
9. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб. : Тип. А.А. Краевского, 1865. 92 с.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1895. 629 с.
11. *Миллер О.Ф.* Русско-славянский вопрос и начало народности // Славянство и Европа. СПб. : Тип. Г.Е. Благосветлова, 1877. С. 79–113.
12. *Миллер О.Ф.* Речь в Славянском собрании 11 марта 1875 года // Славянство и Европа. СПб. : Тип. Г.Е. Благосветлова, 1877. С. 407–410.
13. *Миллер О.Ф.* Письмо к г. Спасовичу // Славянство и Европа. СПб. : Тип. Г.Е. Благосветлова, 1877. С. 72–78.
14. *Гильфердинг А.Ф.* Взгляд западных славян на Россию // Россия и славянство. М. : Институт русской цивилизации, 2009. С. 143–156.
15. *Гильфердинг А.Ф.* Славянские народности и польская партия в Австрии // Россия и славянство. М. : Институт русской цивилизации, 2009. С. 129–142.
16. *Киреев А.А.* Ответ «Австрийскому славянину» // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 52.
17. *Киреев А.А.* Сущность славянофильского учения // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 5.
18. *Киреев А.А.* Славянофильство и национализм // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 96.
19. *Киреев А.А.* Наши противники и наши союзники // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 150.
20. *Киреев А.А.* В защиту «братушек» // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 122.
21. *Киреев А.А.* Народная политика как основа порядка. Ответ г. Леонтьеву // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 90–91.
22. *Киреев А.А.* Ответ комментатору современной летописи «Русского обозрения» // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 150.
23. *Киреев А.А.* Россия и славяне // Соч. М. : Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 128.
24. *Милюков П.Н.* Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. СПб., 1893. С. 19–20.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 июня 2012 г.